

Поселково-волостные предприятия КНР: успех реформаторов или эволюция традиционного института?

Мария Семеновна Круглова

Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, e-mail: mashakruglova999@gmail.com

Цитирование: Круглова, М. С. (2020). Поселково-волостные предприятия КНР: успех реформаторов или эволюция традиционного института? // *Terra Economicus*, 18(4), 111–125. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125

В представленной статье на примере поселково-волостных предприятий (ПВП) в КНР рассматривается историческая преемственность экономических и социальных институтов. В 1980-х годах поселково-волостные предприятия были «локомотивом» экономического роста в сельской местности в КНР. Автор утверждает, что ПВП явились эволюционным вариантом традиционной для Китая системы сельской обороны и круговой поруки – «баоцзя». В статье дан краткий очерк истории внедрения системы баоцзя не только китайскими властями, но и не китайскими управленцами китайской территорией. Утверждается историческая преемственность между баоцзя и ПВП. Опровергается теория о том, что ПВП были спроектированы «сверху» китайскими властями в начале периода реализации политики «реформ и открытости». Напротив, у истоков практики ПВП стояли разовые неформальные договоры среди китайских крестьян, а сами ПВП долгое время воспринимались государством как угроза государственному сектору. В условиях неопределенности начального периода реформ и невозможности эффективного хозяйствования в рамках официального правового поля крестьяне, основываясь на принципе взаимного доверия, воспроизводили привычные для китайской институциональной среды хозяйственные практики. Деятельность внутри аграрных ПВП велась по принципу круговой поруки, привычной для налоговой системы традиционного Китая. Автор заключает, что именно сильная институциональная традиция в итоге послужила основой для быстрого развития ПВП и способствовала экономическому росту, а многовековые институциональные изменения способствовали удачному воспроизводству традиционного института в момент начала политики «реформ и открытости». Также делается вывод о том, что такого рода институт характерен исключительно для китайского этноса. В статье проанализированы тексты интервью, проведенных автором с сотрудниками трех ПВП Гуанси-Чжуанского автономного района.

Ключевые слова: поселково-волостные предприятия; экономический рост; институциональные изменения; баоцзя; реформы; Китай

Благодарность: Автор выражает благодарность В. Эльснеру за критические замечания, высказанные им при обсуждении доклада по теме статьи на ежегодной конференции Европейской ассоциации эволюционной политэкономии (EAERE) 2020; В.В. Вольчику за комментарии к докладу по теме статьи на конференции виртуальных мастерских Международной ассоциации институциональных исследований «Институциональная трансформация экономики: экономические субъекты современной России» (ИТЭ-ЭССР) 2020; а также А.В. Верникову и А.И. Волынскому за идеи и соображения, позволившие скорректировать направление исследования.

Township and village enterprises in China: Reform success or evolution of a traditional institution?

Maria S. Kruglova

Institute of Economics RAS, Moscow, Russia, e-mail: mashakruglova999@gmail.com

Citation: Kruglova, M. S. (2020). Township and village enterprises in China: Reform success or evolution of a traditional institution? *Terra Economicus*, 18(4), 111–125. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125 (In Russian)

The paper explores the historical continuity of economic and social institutions. We use the example of township-village enterprises (TVE) in China to illustrate this continuity. In the 1980s township-village enterprises became the leaders of economic growth in rural China. We argue that TVEs were an evolution form of “baojia”, the traditional Chinese institution of frankpledge and rural defense. The article outlines a brief historical implementation of the baojia both by the Chinese authorities and Japanese administrators of the Chinese territory. Literature presents a popular theory claiming the TVEs were designed “from above”. We reject this theory. We claim that the TVEs were not created by the Chinese authorities at the beginning of “reform and opening up”. On the contrary, the basis for the TVE formation were informal agreements among Chinese peasants. When enterprises first appeared, authorities prohibited them, accusing of threatening the public sector. Due to political uncertainty in the initial period of reforms and the impossibility of effective official management, the peasants reproduced the economic practices familiar to the Chinese institutional environment. They relied on mutual trust customary for the traditional Chinese tax system. We conclude that it was a powerful institutional tradition which became the basis for the rapid development of the TVEs, strongly affected the Chinese economic growth in the early 80th. We also conclude that the baojia institution works effectively only among the Chinese population. The paper analyzes the interviews we conducted with the employees of three TVEs in Guangxi Zhuang Autonomous Region.

Keywords: township-village enterprises; economic growth; institutional changes; baojia; reforms; China

JEL codes: D02, D19, O43, P32

*Китайцы всегда помнят
свою историю и ее уроки.
В этом их сила
(с) С.Д. Круглов*

Введение

Экономические реформы в КНР, начатые руководством страны в 1978 году, как это стало очевидным впоследствии, привели экономику страны к несомненному успеху. Обстоятельства, послужившие успеху реформ, в противовес многим негативным примерам транзита плановых экономик к институтам рынка, стали предметом широкого изучения. Более того, авторы, работающие в русле теории реформ, ссылаются на опыт Китая как на пример лучших практик (Polterovich, 2006). Значительное число исследователей китайских реформ сходится во мнении, что одним и важнейших двигателей китайского экономического роста в начальный период реформ стали так называемые поселково-волостные предприятия (乡镇企业 сяньчжэнь цие, ПВП) (Ito,

2006; Zheng et al., 2017; Karagiannis et al., 2019). ПВП формально являлись объектом коллективной собственности и в отсутствие сформированного правового поля для частных предприятий в первые десятилетия реализации реформ стали ключевым поставщиком товаров и услуг для формирующегося «рыночного» сектора экономики. Начиная с первых же лет своего существования, ПВП показывали небывалые для того периода китайской истории темпы роста. Так, уже к началу 1990-х годов ПВП обеспечивали 40% всего объема промышленного производства КНР и 40% доходов от китайского экспорта (Lin, Yao, 2001: 146–147). Не утратили своего значения ПВП и сейчас: согласно данным Министерства сельского хозяйства КНР, в середине 2018 года насчитывалось порядка 34 млн ПВП, в работе которых была задействована почти четверть всего сельского населения страны (Zong, Chen, 2018).

Значение ПВП для экономики КНР обуславливает интерес широкого круга исследователей к этой теме. С рассмотрением «феномена» ПВП связан ряд ключевых вопросов:

- (1) каковы исторические истоки и обстоятельства зарождения ПВП как широко поддерживаемой практики хозяйствования (Zhu, 2008);
- (2) какова форма собственности ПВП (Zhu, Elbern, 2002; McDonnell, 2004)¹;
- (3) какова роль ПВП в процессе перехода от плановой к рыночной экономике (Che, Qian, 1998);
- (4) как связаны ПВП с двухколейной моделью ценообразования² (Li, 2005)?

Характерной чертой работ китайских исследователей является игнорирование первого вопроса: коллективная форма собственности для ПВП считается неопровержимым фактом (Che, Qian, 1998; Perotti et al., 2014). Что касается исследований, проводимых за пределами КНР, то значительная их часть посвящена именно вопросу определения формы собственности ПВП (Zhu, Elbern, 2002; McDonnell, 2004). Часть работ сравнивает эффективность и потенциал ПВП и государственных предприятий. Авторы этих работ в основном приходят к выводу, что к началу 2000-х годов большая часть ПВП в связи с процессом их приватизации и дерегуляции потеряла свое конкурентное преимущество перед государственными предприятиями (Perotti et al., 2014). Существуют исследования, указывающие на более высокую эффективность ПВП по сравнению с госпредприятиями (Fu, Balasubramanyam, 2003).

Цель предлагаемой статьи заключается в освещении первой из перечисленных проблем: истоков и обстоятельств становления ПВП. К настоящему времени можно выделить две полярные относительно этого вопроса точки зрения. Дискуссионным является вопрос о том, явились ПВП следствием реализации решений КПК или же стали результатом процессов общественной самоорганизации. Согласно одной точке зрения, ПВП явились прямым следствием реализации принятой стратегии реформ и новым элементом экономической системы (Ito, 2006; Полтерович, 2007). В.М. Полтерович использует ПВП как пример стратегии постепенной реализации реформ и как образец так называемых «промежуточных институтов», которые, согласно авторской концепции, конструируются реформаторами «сверху» и имеют целью постепенную трансформацию институциональной среды (Полтерович, 2007: 15). Другая точка зрения представлена в работе А.И. Волынского (Волынский, 2019), где ПВП рассмотрены как пример институциональной самоорганизации «снизу». Имеет место еще одна точка зрения, согласно которой поселковые и сельские предприятия являются прямыми «потомками» общинно-бригадных предприятий 1960–1970-х годов (Guitian, Mundell, 1995).

¹ Проблема определения типа собственности на ПВП – не единственный предмет спора относительно типа собственности в китайской экономике. Проблему структуры собственности в различных сферах экономики Китая поднимают как западные, так и российские исследователи (см., например: Кондрашова, 1998; Vernikov, 2015; Michie, Padayachee, 2020).

² Двухколейная модель ценообразования (Dual-track Price System, 价格双轨制 цзягэ шуангуйчжи) – важнейший элемент реформы ценообразования в КНР. Модель предполагала сосуществование планового и рыночного механизмов ценообразования в КНР и может рассматриваться как пример эволюционной стратегии реформирования системы ценообразования в плановых экономиках. Первая колея – инструменты государственного планирования и распределения производственных ресурсов между государственными предприятиями, вторая колея – продажа ресурсов государственными предприятиями частному сектору. В рамках второй колеи сосуществовали легальный сектор торговли ресурсами и черный рынок продажи ресурсов государственными предприятиями частному сектору, в том числе и квазичастному (ПВП). О региональных и секторальных типах функционирования модели см.: (Карпов, 2014: 94–104).

Наша гипотеза заключается в том, что в основу организации поселково-волостных предприятий лег традиционный китайский институт круговой поруки *баоцзя*³ (保甲). *Баоцзя* представлял собой институт административного управления и сбора налогов на местах, официально существовавший в разных формах, документально – начиная с периода династии Сун (960–1279) и вплоть до 1949 года. С течением времени институт *баоцзя* претерпел ряд изменений. Если в средневековом Китае он служил задаче поддержания порядка в общине и удобным способом сбора налога, то в XX–XXI веках он постепенно теряет свою полицейскую функцию и превращается исключительно в институт, служащий эффективному ведению сельского хозяйства.

Статья структурирована следующим образом: в первой части рассмотрена проблема возникновения института *баоцзя* с точки зрения институциональной теории. Во второй части рассматривается традиционная форма института *баоцзя*, дается историческая перспектива. В третьей части представлен случай внедрения *баоцзя* японским правительством в Маньчжурии. В четвертой части изучается происхождение ПВП, определяются причины успеха и проблемы дальнейшего развития. В пятой части подводятся итоги проведенного автором в 2012 году интервьюирования работников трех ПВП. В заключение приведены некоторые выводы.

Баоцзя – институт?

Рассматривая ПВП как институт, восходящий в своих истоках к более старому институту *баоцзя*, мы исходим из следующего понимания. Под институтом мы подразумеваем «систему правил, определяющих структуру и последовательность действий, выбираемых группой участников» (Scharpf, 1997: 38). Для понимания институциональной природы *баоцзя* необходимо установить, кто и для каких целей эти правила устанавливает. Относительно этого вопроса полезно сослаться на нобелевского лауреата Элинор Остром. В своих работах она отстаивала точку зрения, что локальные сообщества способны к самостоятельному созданию правил и норм взаимодействий, зачастую более эффективных, чем институты, предложенные правительственными реформаторами (Ostrom, 1990). Остром исследовала проблему управления общими благами (commons), а также их распределения. Она делала упор на описание механизмов взаимодействия сообществ с экосистемой в пределах локализованных границ проживания изучаемых сообществ. По ее мнению, эти механизмы позволяют конкретным группам населения в долгосрочной перспективе гарантировать поддержание целостности экосистемы и обеспечивать урожайность возделываемых культур на занимаемых территориях (Ostrom, 1990). Особенность формирования института *баоцзя* заключается в том, что сообщества и управленцы в данном вопросе «работали» совместно. Формализуя *баоцзя*, китайские реформаторы частично опирались на уже традиционно сложившиеся в обществе практики управления хозяйством.

Исходя из сказанного выше, выдвинем свою концепцию описания ПВП с точки зрения институциональной теории. Как утверждал основатель институционализма Торстейн Веблен в своей работе «Теория праздного класса», институты работают только потому, что установленные в них правила укоренены в преобладающих в обществе привычках мышления и поведения (Веблен, 1984: 200–202). История ПВП и связь этой практики с *баоцзя* доказывают тезис о том, что институт способен формировать предпочтения индивидов и далее воспроизводиться на каждом следующем этапе исторического развития через реализацию предпочтений индивидами. Практика ПВП вписывается в «нарратив» рассмотрения истории институтов как следствие реализации локальными сообществами (состоящими из индивидов с их предпочтениями) способности к институциональной самоорганизации. В этом смысле мы оспариваем идею представления ПВП как примера реализации стратегии последовательных реформ (Полтерович, 2007). Напротив, на раннем этапе реализации реформ центральное правительство стремилось ограничить развитие ПВП, видя в них конкурентов государственному сектору в борьбе за ресурсы производства и рынки сбыта. Так, в коммюнике третьего пленума XI съезда КПК в 1978 года говорилось: «Запрещается практиковать систему домашнего контракта», производственная бригада «должна оставаться неизменной» (Chen, 2017). Долгое время ПВП критиковались и китайскими властями,

³ Под институтом *баоцзя* мы будем понимать все формы организованной круговой поруки, существовавшие на протяжении всех периодов истории Китая.

и учеными как неэффективный и противоречащий целям социалистического развития страны элемент.

Рассматривая ПВП как исторического наследника *баоцзя*, отдельно уточним определение понятия *баоцзя*. В литературе мы видим словосочетание «система *баоцзя*» (Бреус, 2012; Рувинский, Тарасов, 2020), однако словосочетание «институт *баоцзя*» не встречается. Но к чему ближе *баоцзя* для самих китайцев: к системе или к институту? В китайском языке *баоцзя*, как правило, употребляется в словосочетании *баоцзя чжиду* (保甲制度). Сам «*баоцзя*» переводится на русский язык как «защитный панцирь». Название вполне подходит для изначальной функции *баоцзя*, а именно: формирования деревенского ополчения для защиты крестьян от воров и разбойников. Но возникает проблема с переводом понятия «*чжиду*»: можем ли мы переводить «*чжиду*» как «институт»? В китайско-русском словаре на слово «*чжиду*» находим следующие эквиваленты: «система», «режим», «строй», «установление». Термин «институт» отсутствует. Однако если пойти от обратного и подобрать китайский эквивалент для «института», то «*чжиду*» будет первым и единственным. Китайско-английский словарь переводит «*чжиду*» как «institution»⁴. Например, «институт брака» – «*хуньинь чжиду*». Разумеется, нам не приходит в голову переводить это словосочетание как «система брака» или «режим брака». «Институт брака» или «брачное установление» будет предпочтительней. Для сравнения рассмотрим термин «институционализация»: по-китайски «*чжидухуа*» (制度化). «*Хуа*» здесь имеет значение «процесс». Таким образом, мы можем перевести данное словосочетание как «процесс установления» или «процесс укоренения», но никак не «систематизации». «Систематизация» по-китайски звучит иначе: «*ситунхуа*», где «*ситун*» значит «порядок», т.е. «систематизация» подразумевает «процесс упорядочения», но не «процесс установления» или «процесс укоренения». Из этого можно заключить, что в данном конкретном случае было бы точнее переводить «*чжиду*» именно как «институт» или «установление», но не как «система», что чаще всего встречается в литературе⁵.

Стоит оговорить, что мы не можем в полной мере рассматривать *баоцзя* как общинный институт. Община предполагает самоорганизацию населения. Не все исследователи китайской истории соглашались с мнением о том, что в Китае традиционно вообще существовала община. Общинная организация и круговая порука в рамках института *баоцзя* изначально насаждалась властями «сверху» (Рябинин, Рябинина, 2018; Рябинин, 2020). Наше исследование показывает, что в какой-то мере можно согласиться с этим мнением. Действительно, почти во все периоды реформ власти «сверху» поручали чиновникам проследить за тем, чтобы система *баоцзя* была внедрена в деревнях. Однако в XX веке мы видим, что население само начинает воспроизводить данную систему для удобства охраны территории и сельскохозяйственной деятельности.

Баоцзя в исторической перспективе

Рассмотрим же историю становления *баоцзя* в исторической перспективе. Первый китайский историк Сыма Цянь (ок. 135 г. до н. э. – ок. 86 г. до н. э.) в своих «Исторических записках» сообщает, что еще в IV веке до н.э. реформатор Шан Ян поручил разделить всё сельское население на группы по пять и десять семей, проживающих по соседству: «Было приказано [так]. Народу разделиться семьями на пятерки и десятки, которые должны были заботиться друг о друге, отвечать за поступки соседей. Тот, кто не доносил о преступившем [закон], подлежал обезглавливанию» (Сыма, 1996: 88). К сожалению, других документальных подтверждений этому сообщению мы не находим⁶. Но идеи Шан Яна стали идеологической основой династии Цинь (221 до н. э. – 206 до н. э.), первой китайской империи. Поэтому историю народного самоуправления на местах можно проследить с династии Цинь (Tan et al., 2020). Можно предположить, что подобная система была необходима, так как впервые власти были вынуждены контролировать обширные территории, а ресурсов государственного аппарата уже не хватало.

⁴ См.: Большой русско-китайский словарь (<https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%88%B6%E5%BA%A6>).

⁵ При переводе на китайский язык названия работы Л. Девиса и Д. Норты «Институциональные изменения и экономический рост США» (Davis, North, 2019) для передачи термина «институциональные» также был использован термин «*чжиду*».

⁶ Отметим, впрочем, что в «Книге правителя области Шан», автором которой принято считать реформатора-легиста Шан Яна, упоминается система круговой поруки и взаимной ответственности за преступления (Книга правителя..., 1993: 144–145).

Однако данная форма организации была несовершенна и во времена династии Хань (206 до н. э. – 220 н. э.) не применялась. Мы не находим упоминания ни о чем подобном в китайских документах того периода. Можно предположить, что от системы отказались, как от проявления жесткой легистской системы, которая противоречила гуманным конфуцианским нормам.

«Изобретателем» *баоцзя* считается сунский реформатор Ван Аньши. На фоне тяжелого экономического состояния династии⁷ он стремился к снижению расходов казны. Чтобы освободить казну от необходимости нанимать сборщиков налогов, полицейских и охранников, Ван Аньши распорядился ввести *баоцзя*. Сто семей делились на кварталы, или *цзя*. Десять *цзя* составляли *бао*. Это было сделано для обеспечения коллективной ответственности в обществе, а позже было использовано для усиления местной обороны. Основой функционирования института была круговая порука. Лидеры каждой *цзя* сменяли друг друга и отвечали за поддержание местного порядка, надзор за работой общины, обеспечение эффективного сбора налогов, организацию гражданских проектов. Эффективность института для правительства заключалась в исключении такого звена как наемные сборщики налогов, полицейские и охранники амбаров (Mote, 2003: 918–919).

Однако при династии Мин (1368–1644) *баоцзя*, официально введенный в 1548 году, не был обязательным, а представлял собой набор правил и инструкции для чиновников на местах, которые ради снижения расходов хотели развернуть систему в своих округах (Brook, 2005: 36).

Официальные династийные хроники династии Мин «Мин ши» утверждают, что «в районах управления *тусы*⁸ создавались *ли* и *цзя* такого же образца [как и в центре страны], в других варварских районах *ли* и *цзя* не создавались» (Фу, 1966). Южные районы традиционно считались близкими к ханьцам, т.е. коренному населению Китая, а также, по мнению китайских чиновников, не были воинственными и не представляли угрозу власти. Конечно, название у *баоцзя* не всегда было единым. «В 14-м году был издан указ всем областям, округам и уездам Поднебесной составить Желтый реестр налогов и повинностей. 110 дворов объединялись в *ли*, 10 дворов, выставивших на повинности самое большое число тяглых и плативших наибольшее количество налогов, назначались старостами. Остальные 100 дворов составляли 10 *цзя*, объединение из 10 дворов называлось *цюаньту*, если дворов было 4–5 или же 6–7, т.е. меньше 10, называлось *баньту*» (Фу, 1966).

Император династии Цин Канси (1654–1722) в 1670 году опубликовал «Священный указ», который содержал «16 священных заповедей». В них император излагал суть конфуцианства. Канси призывал крестьян полностью уплачивать налоги, участвовать в системе круговой поруки, а для этого «группироваться в десятки и сотни, чтобы положить конец разбоям и воровству» (Ван, 1936, цз. 32: 616). Таким образом, мы видим, что в середине XVII века институт *баоцзя* плотно вошел в жизнь народа и представление управленцев об идеальной системе организации сбора налогов и обороне. А самое главное, стал уже частью конфуцианства, т.е. неотъемлемой частью социальной и экономической жизни средневековых китайцев.

Мы можем видеть, что *баоцзя* сохранился и после падения монархии в 1911 году. Сбор налогов и административное управление продолжало осуществляться. Сначала институт был заимствован республиканским правительством, а затем китайскими милитаристами с 1916 по 1928 год.

Первые задокументированные попытки самостоятельного воспроизводства института *баоцзя* датируются уже началом XX века. В период бойкота японских товаров и антияпонских выступлений, которые происходили в рамках патриотического движения Четвертого мая 1919 года, студенты, в основном в Пекине, формировали отряды по принципу *баоцзя*. Десять человек давали присягу о бойкоте японских товаров. Они следили за тем, чтобы остальные девять членов группы держали присягу. Каждый из группы также должен был завербовать девять новобранцев. Предполагалось создание десяти групп по десять человек, которые затем объединялись в сотни. Далее десять сотен формировали бригаду из тысячи человек. Как и в традиционном *баоцзя*, каждая десятка выбирала себе лидера. Есть свидетельства того, что группы из десяти человек были достаточно эффективны в организации бойкота (Wasserstrom, 1997: 66–67).

⁷ Правительство династии Сун было вынуждено выплачивать дань соседним варварским государствам Ляо и Западное Ся.

⁸ *Тусы* – система названия чиновников в районах проживания национальных меньшинств; назначались из числа местного населения. Такая система действовала на территории провинций Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу и Гуанси.

В 1929 году президент Китайской Республики Чан Кайши снова внедряет *баоцзя* (Тяпкина, 1973: 481). Форма организации за время «Нанкинского десятилетия» несколько поменялась, и в итоге в 1939 году были обнародованы «Основные положения организации на всех уровнях уезда». В *баоцзя*, внедряемом Гоминьданом, произошли некоторые отступления от традиционного формата этого института. Не было строго прописано четкое количество элементов в одном *бао*. Самое маленькое *бао* состояло из 6 *цзя*, самое крупное – из 15 *цзя*. В дальнейшем во время гражданской войны эта система показала свою эффективность в местах сопротивления «коммунистического» крестьянства гоминьдановским властям (Майоров, 1988: 155–156). Таким образом, «послереволюционные» власти Китая не старались заменить показавший свою надежность институт, несмотря на то, что он являл собой наследие монархического строя.

Баоцзя в Маньчжоу-го

С течением времени институт *баоцзя* стал устойчивой формой организации до той степени, что иностранные правительства, получавшие власть над китайскими территориями, прибегали к этой практике. Яркий тому пример – внедрение института в Маньчжоу-го. Безусловно, японцы были не первыми иностранцами, воспользовавшимися традиционным институтом. Португальские власти в Макао еще во времена династии Цин пользовались *баоцзя* для управления и сбора налогов (Tang, Sun, 2016).

Идея внедрения института *баоцзя* в деревнях Маньчжоу-го, по-видимому, возникла из-за опасений сотрудников полицейского управления по поводу «бандитских» инцидентов в сельской местности. Еще в мае 1932 года *баоцзя* был упомянут в директивах полицейского управления относительно формирования полицейских сил Маньчжоу-го. Согласно этим руководящим принципам, для сохранения мира на тот момент не было необходимости спешить с улучшением полицейской системы. Скорее, было важно координировать отношения с местными чиновниками и развивать такие существующие институты, как *баоцзя*. Приведем цитату из доклада одного полицейского участка: «Хотя государство Маньчжоу-го уже было основано, последствия [Мукденского]⁹ инцидента все еще до конца не устранены, финансы скудны, а государственные учреждения неразвиты. В частности, в поддержании порядка, независимо от того, насколько искренне японская армия пытается поддерживать его, учитывая ограниченность их географического положения и финансовые расходы, а также подстрекательство антияпонских элементов, многие люди из-за недовольства превратились в бандитов. Российские коммунисты подстрекали их на этот путь, поэтому государство [Маньчжоу-го] существует только на словах, а не на самом деле. В связи с этим было бы лучше полагаться на *баоцзя*, самоуправляемую организацию по сохранению мира, которая имеет долгую историю» (Tomimaga, 1936: 20).

Данный эпизод, как нам кажется, ярко иллюстрирует пример грамотного подхода к управлению «захваченной» территорией. Японские власти в Китае не стремились внедрить свою систему управления, а прибегли к уже устоявшейся и хорошо знакомой местному населению практике.

Стоит также отметить, что *баоцзя* использовался японскими властями в качестве вспомогательной полицейской системы в колониальной администрации Тайваня и арендованной территории Квантун. Они считали, что *баоцзя* может быть внедрен только на территории, где китайцы составляют подавляющее большинство населения. На Тайване японские власти применили систему *баоцзя* только к китайцам. В местах преобладания коренного населения эта система не внедрялась (Tian, 2016). Были попытки реализовать *баоцзя* в подвластных японцам корейских территориях, а также среди японцев, проживающих на китайской и корейской территориях. Однако институт не прижился (Endo, 2013: 44).

Поселково-волостные предприятия – успех правительства или общества?

Среди исследователей китайского экономического чуда существует мнение о том, что реформы явились непреднамеренным следствием случайных событий и трансформаций (Коуз, Ван, 2013). Примером такого случайного события, возможно, и является образование ПВП.

⁹ Мукденский инцидент (18 сентября 1931 г.) – подрыв железной дороги у города Мукден (современный Шэньян). За этим инцидентом последовал захват Маньчжурии японцами.

Первые поселково-волостные предприятия появились частично на основе созданных еще при Мао Цзэдуне народных коммун. История появления первых ПВП сходна с созданием групп, бойкотирующих японские товары. В ноябре 1978 года крестьяне в провинции Аньхой заключили секретный договор. Из договора следовало, что земля, которая на тот момент принадлежала коммуне и одновременно обрабатывалась всеми крестьянами этой коммуны, делилась на участки и распределялась между семьями. Фактически крестьяне пошли на преступление. Никакой подобный раздел земель по законам о коммунах не был предусмотрен. Также в соглашении оговаривалось, что в случае ареста кого-то из участников договора остальные берут на себя ответственность кормить и заботиться о несовершеннолетних детях арестованных. При этом участники договора согласовали, что будут передавать государству ровно столько урожая, сколько указано в плане на их коммуну. Объем «налога» по плану делился поровну между всеми семьями-участниками, а то, что оставалось, крестьяне оставляли себе. На следующий год объем урожая оказался выше ожидаемого, и соседние деревни переняли этот опыт. Узнав об этом, местные чиновники перестали поставлять в эти деревни удобрения. Однако глава провинциального партийного комитета Вань Ли, видя результат, вступился за крестьян. Изучив ситуацию, центральные власти приняли решение распространить этот опыт на весь Китай (Волынский, 2019: 87–88; Chen, 2017).

Изначально реакция как местных, так и центральных властей в отношении практик ПВП была резко негативной, что находило свое отражение как в партийных документах, так и в научных и газетных публикациях. После признания роли ПВП в поглощении излишков рабочей силы в сельской местности центральное правительство стало поддерживать их, но со значительными оговорками. Вплоть до середины 1980-х годов центральное правительство не признавало, что ПВП стали наиболее динамичной и быстро растущей частью китайской экономики (Chen, 2017). И лишь в 1987 году Дэн Сяопин заявил: «поселково-волостные предприятия появились ниоткуда... показали самый невероятный результат, который полностью вышел за рамки наших ожиданий» (Li, 1993). Учитывая реальные исторические обстоятельства, трудно согласиться с высказыванием, схожим с позицией официальной китайской историографии, согласно которой «вначале был Дэн, который лично... создал рыночную экономику... отдавая предпочтение семейным фермам» (Naisbitt, 1994: 244). Заслуга Дэна была в том, что он не продолжил ограничивать деятельность ПВП, а поддержал ее¹⁰.

Обстоятельства становления и развития ПВП, на наш взгляд, позволяют создать нарратив истории китайских экономических реформ, представляющий их не как плод успешной реализации реформаторских стратегий и намеренного создания тех или иных институтов, но, напротив, как результат спонтанного развития событий, при котором общество и отдельные локальные сообщества, а не только государственная и партийная машина, выступали активными творцами истории. Значительная заслуга реформаторов состояла в способности позволить обществу находить институциональные решения самостоятельно. Связь между одобрением (а не созданием) и неодобрением ПВП партией и развитием ПВП очевидна. Мы наблюдаем резкий рост количества ПВП после признания их центральным правительством в 1984 году. Напротив, когда администрация Цзян Цзэмина стала негативно относиться к китайскому предпринимательству, многим такого рода предпринимателям пришлось бросить дело, примерно 30% ПВП обанкротились (Saich, 2001). Это привело к резкому уменьшению количества ПВП в 1994 году. Предположительно в рамках программы подготовки вступления КНР в ВТО активно шел процесс приватизации (Park, Shen, 2003).

Невзирая на вышеописанные негативные тенденции, фактически в стране образовались предприятия, которые привлекали избыточное безработное сельское население. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства сообщает, что в 2010 году в работе ПВП приняли участие 7,55 млн уволенных и безработных в городах и поселках, что на 1,25 млн больше, чем в 2005 году¹¹.

¹⁰ Во время политики «Большого скачка» Дэн Сяопин, наблюдая колоссальную неудачу тотальной коммунизации в рамках народных коммун, также поддерживал мелкое предпринимательство на местах, чем вызвал недовольство лично председателя Мао.

¹¹ *Nongyebu guanyu yinfu "quanguo xizngzhen qiye fazhan "shi'erwu" guihua" de tongzhi* (2011) (http://www.moa.gov.cn/nybg/2011/dliuq/201805/t20180521_6142697.htm – accessed: May 5 2020). (In Chinese.)

Относительный успех ПВП был связан с тем, что в первые десятилетия реформ правительство медлило с проведением полномасштабной рыночной либерализации, в особенности в двух ключевых направлениях: полномасштабная реформа цен откладывалась вплоть до 1992 года, что выражалось в долгом сосуществовании двухколейной системы ценообразования, низкими темпами шел и процесс приватизации государственных предприятий. Половинчатый характер рыночных реформ способствовал спонтанному развитию ПВП: в условиях, когда государство боялось рынка, «рыночные» отношения развивало само общество, реализуя свое стремление к созданию подобия рынка через знакомые и традиционные формы институциональных решений. На фоне усиленного внедрения рыночных механизмов и развития конкуренции, а также официальной ориентации предприятий на иностранный капитал ПВП оказались неконкурентоспособными (Naughton, 2007). Исследования показывают, что с момента принятия закона о компаниях в 1993 году, открывшего путь к своего рода приватизации государственных предприятий и созданию частных компаний, ситуация изменилась. ПВП стали терять конкурентоспособность, и их развитие затормозилось. Однако, несмотря на падение удельной доли ПВП, китайское правительство продолжает отдавать должное роли ПВП. Как заявлено на официальном сайте Министерства сельского хозяйства КНР, «Поселковые и сельские хозяйства – великое творение наших фермеров». После начала политики «реформ и открытости» городские и деревенские предприятия «обрели новую силу», добились огромных успехов, которые привлекли внимание всего мира, и внесли важный исторический вклад в экономическое и социальное развитие Китая (Zong, Chen, 2018).

«...если это предприятие будет принадлежать кому-то одному, остальные не будут заинтересованы в инвестициях и получении прибыли»

Своего рода полевое исследование в некоторой степени позволило раскрыть проблему восприятия ПВП и принципов их функционирования работниками такого типа предприятий. В 2012 году автором статьи было проведено интервьюирование сотрудников одного ПВП в деревне Хуанло и двух ПВП недалеко от Гуйлина в Гуанси-Чжуанском автономном районе КНР. Одно предприятие занимается производством риса, два других производят чай разных сортов. Все три хорошо вписаны в туристическую сферу, что позволяет им давать достаточно высокие показатели роста. Нашей целью было установить, кому, по мнению сотрудников, принадлежат данные предприятия.

Мы задавали три вопроса: «Кто управляет предприятием?»; «Помогает ли предприятию государство? Если да, то почему?»; и «Кто распределяет прибыль?». Некоторые сотрудники отказались отвечать на эти вопросы, а те, которые согласились, не назвали своих имен. Однако нам все-таки удалось получить некоторый результат. В общей сложности нам удалось провести интервью 12 работников. На первый вопрос трое руководителей предприятия однозначно ответили, что предприятием управляет деревенский комитет и совет крестьян, трудящихся на этом предприятии. Пятеро сотрудников дали ответ, сходный с ответом руководителей, т.е. указали на то, что предприятием управляет совет крестьян, деревенский комитет или оба объединения. Четверо других после раздумий ответили, что руководитель предприятия, но принадлежит предприятие всем участникам предприятия, т.е. речь идет о коллективной форме собственности. На второй вопрос все респонденты дали однозначный ответ, что государство помогает, потому что эти предприятия развивают сельское хозяйство в регионе, способствуют развитию туризма. Несколько сотрудников ответили, что также помощь осуществляется благодаря тому, что руководитель – член местного партийного комитета.

На последний вопрос все сотрудники ответили, что прибыль распределяет руководство предприятия, а руководители сослались на совет работников. В дальнейшей беседе выяснилось, что все сотрудники в целом довольны своим положением и работой, и они бы не хотели сами владеть таким предприятием, так как это предполагает вложение своих собственных инвестиций, чего каждый из них по отдельности обеспечить не сможет. Пока предприятие принадлежит всем, инвестируют в него все. В случае если это предприятие будет принадлежать кому-то од-

ному, остальные не будут заинтересованы в инвестициях и получении прибыли. По их мнению, так считают все члены их «общины». Это замечание частично подтверждает тезис о том, что причиной упадка и большого количества банкротств ПВП стала именно приватизация.

Фактически ПВП имеют ограниченный доступ к формальным источникам финансирования (Beck et al., 2015). Они в большей степени самофинансируются за счет собственной прибыли. Часто инвестиции приходят из личных средств работников ПВП, членов семьи или друзей руководителей ПВП (Beck et al., 2015). Исследования показывают, что 80% инвестиций в ПВП приходит из самих домохозяйств участников, оставшиеся 20% – это займы. Только 30% этих займов идет из формальных источников, остальные 70% – это займы у соседних или дружественных домохозяйств (Zhu, Elbern, 2002).

Мы не можем полностью гарантировать объективность и достоверность информации, так как она основана на ответах сотрудников, тем более, на тот момент процесс приватизации ПВП уже шел полным ходом. Однако эти ответы частично отражали общественный настрой и желания работников данных предприятий, а также позволили предположить, что форма собственности ПВП не определена полностью, по крайней мере в глазах самих работников предприятия.

Хотим отметить, что значительно усложняет изучение как распределения обязанностей и прибыли, так и самой схемы работы ПВП тот факт, что большая часть договоренностей происходит в устной, а не закреплённой на бумаге форме. Если существует договор, то чаще всего он неполный и не содержит деталей, необходимых для определения прав и обязанностей сторон (Weitzman, Xu, 1994). Дружба воспринимается как главная гарантия удачного ведения дел, поэтому сначала партнеры развивают дружбу, а только потом начинают деловые отношения (Cai, 1990: 201).

Заключение

За многовековую историю институт *баоцзя* прочно вошел в сознание как китайских управленцев, так и китайского народа. Институт *баоцзя* применялся в разное время китайскими властями для оптимизации административного управления и снижения расходов казны. Он позволял структурировать сбор налогов, организовать деревенское самоуправление и оборону. С помощью установленной в *баоцзя* круговой поруки обеспечивалась ответственность каждого из членов группы. Так как *баоцзя* показал свою эффективность, институт внедрялся японским правительством в Маньчжоу-го и португальским правительством в Макао для управления китайским населением. В XX веке институт *баоцзя* в отсутствие другой эффективной системы управления и организации общества стал воспроизводиться некоторыми группами населения самостоятельно.

В 70–80-х годы XX века *баоцзя* послужил базой для создания в Китае поселково-волостных предприятий. На этом примере мы показали, что традиционный институт, существовавший в стране длительное время, в критический период был самостоятельно воспроизведен населением, а соответствие этого института привычным для локальных китайских сообществ нормам кооперации привело к тому, что поселково-волостные предприятия стали локомотивом экономического роста в сельской местности.

Литература

- Бреус, Е. (2012). Идентификационные документы в Китае: история, структура, национальная идея // *Этнографическое обозрение*, (1), 3–23.
- Ван, Ш. (1936). *Полное собрание [сочинений] Ван Янмина*. Шанхай.
- Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Волынский, А. (2019). Мезоэкономика роста: изучая опыт китайских реформ // *Вопросы теоретической экономики*, (1), 84–99. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00007
- Карпов, М. В. (2014). *Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике*. М., СПб.: Нестор-История.

- Книга правителя области Шан («Шан цзюнь шу») (1993). М.: Ладомир.
- Кондрашова, Л. И. (1998). Госсектор КНР: приватизация или модернизация // *Проблемы Дальнего Востока*, (4), 47–56.
- Коуз, Р., Ван, Н. (2013). *Как Китай стал капиталистическим*. М.: Новое издательство.
- Майоров, В. М. (1988). Баоцзя в гоминьдановском Китае 30–40-х годов // *Вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока*, (1), 152–160.
- Полтерович, В. М. (2007). *Стратегии институциональных реформ, или Искусство реформ*. М.: ГУ–ВШЭ.
- Рувинский, Р., Тарасов, А. (2020). «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // *Национальная безопасность / nota bene*, (3), 72–88.
- Рябинин А. (2020). Сельская община в Китае: pro et contra. Часть 1 // *Восточный курьер*, (1–2), 57–80.
- Рябинин А., Рябинина И. (2018). Была ли в Китае сельская община? // *Вестник Института востоковедения РАН*, 5(5), 95–109.
- Сыма, Ц. (1996). *Исторические записки: (Шицзи)*, т. VII. М.: Восточная литература РАН.
- Тяпкина, Н. И. (1973). Местная административная система Китайской Республики после установления гоминьдановского режима // *IV НК ОГК: Доклады и тезисы*, (3), 472–483. М.: Наука.
- Фу, В. (1966). История династии Мин, отрывок из гл. 67 «Описание земель» / В кн.: *Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в.* М.: Наука. (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/Min_Shi/text1.htm – Дата обращения: 23.05.2020).
- Beck, T., Lu, P., Yang, R. (2015). Finance and growth for microenterprise: evidence from rural China // *World Development*, 67, 38–56.
- Brook, T. (2005). *The Chinese State in Ming Society*. (Illustrated ed.) Routledge.
- Cai, J. (1990). A Study on Legislation on TVEs (Xiangzhen qiye lifa yanjiu), pp. 195–207 / In: *Regional Experiment Office of the State Council, Gaige sikao lu (A Collection of Studies on Reform)*. Beijing: Zhongguo Zhuoyue Publishing Corp.
- Che, J., Qian, Y. (1998). Institutional Environment, Community Government, and Corporate Governance: Understanding China's Township–Village Enterprises // *Journal of Law, Economics and Organization*, 14, 1–23.
- Chen, H. (2017). *The institutional transition of China's township and village enterprises: Market liberalization, contractual form innovation and privatization*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315211305
- Davis, L., North, D. (2019). *Zhidu bianqian yu meiguojingji zengzhang*. Gezhi chubanshe. (In Chinese.)
- Endo, M. (2013). Manshukoku tochi ni okeru hoko seido no rinen to jittai: 'minzoku kyowa'to hochi kokka toiu futatsu no kokuze wo megutte // *Ajia taiheiyo kenkyu*, 20, 37–51. (In Japanese.)
- Fu, X., Balasubramanyam, V. (2003). Township and Village Enterprises in China // *The Journal of Development Studies*, 39, 27–46. DOI: 10.1080/713869424
- Guitian, M., Mundell, R. (Eds) (1995). *Inflation and Growth in China: Proceedings of a Conference Held in Beijing*. China.
- Ito, J. (2006). Economic and institutional reform packages and their impact on productivity: a case study of Chinese township and village enterprises // *Journal of Comparative Economics*, 34, 167–190.
- Karagiannis, N., Cherikh, M., Elsner, W. (2019). *Growth and development of China: A developmental state 'with Chinese characteristics'*. Forum for Social Economics, 1–19.
- Li, B. (1993). Retrospect and prospect of TVEs during the fifteen years of Reform and Opening Up // *Management World*, (5), 156–165.

- Li, P. (2005). The puzzle of china's township-village enterprises: the paradox of local corporatism in a dual-track economic transition // *Management and Organization Review*, (1), 197–224.
- Lin, J., Yao, Y. (2001). Chinese rural industrialization in the context of the East Asian miracle, pp. 143–197 / In: J. Stiglitz, S. Yusuf (eds.) *Rethinking the East Asian miracle*. N.Y.: Oxford University Press.
- McDonnell, B. (2004). Lessons from the Rise and (Possible) Fall of Chinese Township-Village Enterprises // *Wm. & Mary L. Rev.*, 45.
- Michie, J., Padayachee, V. (2020). Alternative forms of ownership and control in the global south // *International Review of Applied Economics*, 34, 1–10.
- Mote, F. (2003). *Imperial China 900–1800* (Illustrated ed.). Harvard University Press.
- Naisbitt, J. (1994). *Global paradox*. New York: Avon.
- Naughton, B. (2007). *The Chinese Economy: Transitions and Growth*. Cambridge: MIT Press.
- Park, A., Shen, M. (2003). Joint Liability Lending and the Rise and fall of China's Township and Village Enterprises // *Journal of Development Economics*, 71(2), 497–531.
- Perotti, E., Sun, L., Zou, L. (2014). State-owned versus township and village enterprises in China // *China's Economic Development*, 33–59.
- Polterovich, V. (2006). *Institutional Reform Strategies: China and Russia*. University Library of Munich, Germany, MPRA Paper.
- Saich, T. (2001). *Governance and Politics of China*. New York: Palgrave.
- Scharpf, F. (1997). *Games Real Actors Play: Actor-Centered Institutionalism in Policy Research*. Boulder, CO, Westview Press.
- Tan, H., Jia, Y., Li, Y., Hou, W. (2020). *China Neighborhood and Village Committee confront the COVID-19 Pandemic; Cultural history and tracking back review of relevant public health events in last century*. Preprints 2020, 2020040447. DOI: 10.20944/preprints202004.0447.v1
- Tang, W., Sun, C. (2016). Disputes and Trials on Properties of Chinese and Portuguese in Macau during Qianlong and Jiaqing Periods: Based on Investigation of Torre Do Tombo Archives // *China Legal Sci.*, (4), 61–88.
- Tian, M. (2016). The Baojia System as Institutional Control in Manchukuo under Japanese Rule (1932–45) // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 59, 531–554.
- Tominaga, N. (1936). *Hoko seidoron*. Shinkyō: Manshukoku minseibu keimushi. (In Japanese.)
- Vernikov, A. (2015). Comparing the banking models in China and Russia: Revisited // *Studies on Russian Economic Development*, 26, 178–187. DOI: 10.1134/S1075700715020136
- Wasserstrom, J. (1997). *Student Protests in Twentieth Century China: The View from Shanghai* (Illustrated ed.). Stanford University Press.
- Weitzman, M., Xu, C. (1994). Chinese Township-Village Enterprises as Vaguely Defined Cooperatives // *Journal of Comparative Economics*, 18(2), 121–145.
- Zheng, L., Batuo, M., Shepherd, S. (2017). The Impact of Regional and Institutional Factors on Labor Productive Performance – Evidence from the Township and Village Enterprise Sector in China // *World Development*, 96, 591–598.
- Zhu, Q., Elbern, S. (2002). Economic institutional evolution and further needs for adjustments: Township Village Enterprises in China // *ZEF Discussion Papers on Development Policy*, 56, University of Bonn, Center for Development Research.
- Zhu, Z. (2008). Who created China's household farms and township-village enterprises: the conscious few or the ignorant many? / In: G. Solomon (ed.) *Academy of Management Annual Meeting Best Paper Proceedings*. Washington, DC: George Washington University.
- Zong, J., Chen, J. (2018). *Lishi bu hui wangji xiangzhen qiye de zhongyao gongxian – wei jinian woguo gaige kaifang sishi zhounian er zuo* (http://www.moa.gov.cn/xw/bmdt/201807/t20180731_6154959.htm – accessed: May 5 2020). (In Chinese.)

References

- Beck, T., Lu, P., Yang, R. (2015). Finance and growth for microenterprise: evidence from rural China. *World Development*, 67, 38–56.
- Breus, E. (2012). Identity documents in China: history, structure, national idea. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 3–23. (In Russian.)
- Brook, T. (2005). *The Chinese State in Ming Society*. (Illustrated ed.) Routledge.
- Cai, J. (1990). A Study on Legislation on TVEs (Xiangzhen qiye lifa yanjiu), pp. 195–207 / In: *Regional Experiment Office of the State Council, Gaige sikao lu (A Collection of Studies on Reform)*. Beijing: Zhongguo Zhuoyue Publishing Corp.
- Che, J., Qian, Y. (1998). Institutional Environment, Community Government, and Corporate Governance: Understanding China's Township–Village Enterprises. *Journal of Law, Economics and Organization*, 14, 1–23.
- Chen, H. (2017). *The institutional transition of China's township and village enterprises: Market liberalization, contractual form innovation and privatization*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315211305
- Coase, R., Wang, N. (2013). *How China Became Capitalist*. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ. (In Russian.)
- Davis, L., North, D. (2019). *Zhidu bianqian yu meiguo jingji zengzhang*. Gezhi chubanshe. (In Chinese.)
- Endo, M. (2013). Manshukoku tochi ni okeru hoko seido no rinen to jittai: 'minzoku kyowa'to hochi kokka toiu futatsu no kokuze wo megutte. *Ajia taiheiyo kenkyu*, 20, 37–51. (In Japanese.)
- Fu, W. (1966). History of the Ming Dynasty, an excerpt from Ch. 67 "Description of land" / In: *Agrarian Policy of the Ming Government in the Second Half of the XIV Century*. Moscow: Nauka Publ. (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/Min_Shi/text1.htm – accessed: May 23 2020). (In Russian.)
- Fu, X., Balasubramanyam, V. (2003). Township and Village Enterprises in China. *The Journal of Development Studies*, 39, 27–46. DOI: 10.1080/713869424
- Guitian, M., Mundell, R. (Eds) (1995). *Inflation and Growth in China*. Proceedings of a Conference Held in Beijing. China.
- Ito, J. (2006). Economic and institutional reform packages and their impact on productivity: a case study of Chinese township and village enterprises. *Journal of Comparative Economics*, 34, 167–190.
- Karagiannis, N., Cherikh, M., Elsner, W. (2019). *Growth and development of China: A developmental state 'with Chinese characteristics'*. Forum for Social Economics, 1–19. DOI: 10.1080/07360932.2020.1747515
- Karpov, M. (2014). *The vicious circle of the "Chinese miracle". Market transformations and the problem of reformability of the Lenin-type party state in the People's Republic of China*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian.)
- Kondrashova, L. (1998). Public sector of the PRC: privatization or modernization. *Problemy Dal'nego Vostoka*, (4), 47–56. (In Russian.)
- Li, B. (1993). Retrospect and prospect of TVEs during the fifteen years of Reform and Opening Up. *Management World*, (5), 156–165.
- Li, P. (2005). The puzzle of china's township-village enterprises: the paradox of local corporatism in a dual-track economic transition. *Management and Organization Review*, (1), 197–224. DOI: 10.1111/j.1740–8784.2005.00009.x
- Lin, J., Yao, Y. (2001). Chinese rural industrialization in the context of the East Asian miracle, pp. 143–197 / In: J. Stiglitz, S. Yusuf (eds.) *Rethinking the East Asian miracle*. N.Y.: Oxford University Press.
- Mayorov, V. (1988). Baojia in Kuomintang China in the 1930s – 1940s. *Voprosy ekonomiki, istorii, vneshnej i vnutrennej politiki stran Dalnego Vostoka*, (1), 152–160. (In Russian.)

- McDonnell, B. (2004). Lessons from the Rise and (Possible) Fall of Chinese Township-Village Enterprises. *Wm. & Mary L. Rev.*, 45.
- Michie, J., Padayachee, V. (2020). Alternative forms of ownership and control in the global south. *International Review of Applied Economics*, 34, 1–10. DOI: 10.1080/02692171.2020.1773635
- Mote, F. (2003). *Imperial China 900–1800* (Illustrated ed.). Harvard University Press.
- Naisbitt, J. (1994). *Global paradox*. New York: Avon.
- Naughton, B. (2007). *The Chinese Economy: Transitions and Growth*. Cambridge: MIT Press.
- Park, A., Shen, M. (2003). Joint Liability Lending and the Rise and fall of China's Township and Village Enterprises. *Journal of Development Economics*, 71(2), 497–531.
- Perotti, E., Sun, L., Zou, L. (2014). State-owned versus township and village enterprises in China. *China's Economic Development*, 33–59. DOI: 10.1057/9781137469960_3
- Polterovich, V. (2006). *Institutional Reform Strategies: China and Russia*. University Library of Munich, Germany, MPRA Paper.
- Polterovich, V. (2007). *Institutional Reform Strategies, or The Art of Reforms*. Preprint WP10 / 2007/08. Moscow: SU HSE. (In Russian.)
- Rouvinsky, R., Tarasov, A. (2020). "System of social credit": Historical background and doctrinal foundations of the phenomenon. *National security / nota bene*, (3), 72–88. DOI: 10.7256/2454-0668.2020.3.33021
- Ryabinin, A. (2020). The Rural Community in China: Pro et Contra. Part 1. *Oriental courier*, (1–2), 57–80. (In Russian.)
- Ryabinin, A., Ryabinina, I. (2018). Was there a rural community in China? *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS – Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*, 5(5), 95–109. (In Russian.)
- Saich, T. (2001). *Governance and Politics of China*. New York: Palgrave.
- Scharpf, F. (1997). *Games Real Actors Play: Actor-Centered Institutionalism in Policy Research*. Boulder, CO, Westview Press.
- Sima, Q. (1996). *Records of the Grand Historian ("Shi Ji")*, vol. VII. Moscow: Vostochnaya literatura RAS. (In Russian.)
- Tan, H., Jia, Y., Li, Y., Hou, W. (2020). *China Neighborhood and Village Committee confront the COVID-19 Pandemic; Cultural history and tracking back review of relevant public health events in last century*. Preprints 2020, 2020040447. DOI: 10.20944/preprints202004.0447.v1
- Tang, W., Sun, C. (2016). Disputes and Trials on Properties of Chinese and Portuguese in Macau during Qianlong and Jiaqing Periods: Based on Investigation of Torre Do Tombo Archives. *China Legal Sci.*, (4), 61–88.
- The Book of Lord Shang ("Shang jun shu")* (1993). Moscow: Lodomir. (In Russian.)
- Tian, M. (2016). The Baojia System as Institutional Control in Manchukuo under Japanese Rule (1932–45). *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 59, 531–554.
- Tominaga, N. (1936). *Hoko seidoron*. Shinkyō: Manshukoku minseibu keimushi. (In Japanese.)
- Tyapkina, N. (1973). *Local administrative system of the Republic of China after the establishment of the Kuomintang regime*. Proceedings of IV Scientific conference "Society and State in China". Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Veblen, T. (1984). *The Theory of the Leisure Class*. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)
- Vernikov, A. (2015). Comparing the banking models in China and Russia: Revisited. *Studies on Russian Economic Development*, 26, 178–187. DOI: 10.1134/S1075700715020136
- Volynskii, A. (2019). Meso-economics of the economic growth: studying the experience of Chinese reforms. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, (1), 84–99. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00007 (In Russian.)
- Wang, C. (1936). *Complete Works of Wang Yangming*. Shanghai. (In Chinese.)

- Wasserstrom, J. (1997). *Student Protests in Twentieth Century China: The View from Shanghai* (Illustrated ed.). Stanford University Press.
- Weitzman, M., Xu, C. (1994). Chinese Township-Village Enterprises as Vaguely Defined Cooperatives. *Journal of Comparative Economics*, 18(2), 121–145.
- Zheng, L., Batuo, M., Shepherd, S. (2017). The Impact of Regional and Institutional Factors on Labor Productive Performance – Evidence from the Township and Village Enterprise Sector in China. *World Development*, 96, 591–598.
- Zhu, Q., Elbern, S. (2002). Economic institutional evolution and further needs for adjustments: Township Village Enterprises in China. *ZEF Discussion Papers on Development Policy*, 56, University of Bonn, Center for Development Research.
- Zhu, Z. (2008). Who created China's household farms and township–village enterprises: the conscious few or the ignorant many? / In: G. Solomon (ed.) *Academy of Management Annual Meeting Best Paper Proceedings*. Washington, DC: George Washington University.
- Zong, J., Chen, J. (2018). *Lishi bu hui wangji xiangzhen qiye de zhongyao gongxian – wei jinian woguo gaige kaifang sishi zhounian er zuo* (http://www.moa.gov.cn/xw/bmdt/201807/t20180731_6154959.htm – accessed: May 5 2020). (In Chinese.)